

Анастасия

АХМАДЕЕВА

ЗАРОСЛИ

I

Так из студеного ручья пьют воду.
*Прижав плотнее пальцы, сводят руки,
И катятся жемчужным переливом –
Вода, блеск, холод, жажда и прощенье...*

И полночным залпом срываться в чашу.
До утра – успеть, не найдёт, не тронет...
Только там всё видится настоящим,
только ночью там всё живое стонет.
Высока трава и заря сурова,
нету камня – твёрже, реки – бездонней.
Задышаться, падать, и снова, снова...
видеть небо между своих ладоней.

II

Осень нынче давала жару –
каждом поле да по пожару.
Колос цвета твоих волос –
под откос.
Под откос и ковыль сухой –
ломкий голос, протяжный вой...
Всё, что прятала под крылом –
на излом.
На излом под земную твердь,
это больше чем жизнь и смерть –
алым пламенем степь горит
до зари.

III

Полночные заросли.
Не разжимая губ, не открывая глаз,
ощущать всем телом
травы внутри –
зеленеющим беспределом
высохших нас.
Правит сентябрь: он обесцветил всех.
Надо учиться дышать по-осеннему трезво.
Травы внутри сотнями острых лезвий
тянутся вверх.

ПЛАЦКАРТНОЕ

Бывает, дождь — беда-беда-беда...
«И долгая дорога в никуда»,
и капли на стекле дрожащем стыннут.
Во сне старуха призывает сына,
но здесь — только холодная вода.
В глазах — только солёная вода,
ты шуришься, ты пробуешь остаться
и кажешься себе безумным старцем,
что небо разглядел на дне пруда.

*

Столь беспробудно-далеко,
что таешь в приглушённом стоне.
Сырым глубоко-нежным мхом
в плену ладони.
И сон — безвыходно-незряч,
так вяжут сено: дымно, пресно...
И тяжело дышать, и плач
за перелеском.

*

Продрогшая сентябрьская явь.
Пункт «Б» назначен — и ни вброд, ни вплавь
не доберёшься впредь до летнего причала
в начало.
Но быть с тобой — заоблачно-легко,
так пенится, вскипая, молоко.
Твой свет запряженный июнем под ресницы
всё мнится...
И в блеске металлических часов
несбыточностью южных адресов
ты манишь выскользнуть из нудного трамвая,
живая.
И образ твой — протянутой руки
пульсирует сплетением тугим
в гортани улицы, в затылке перекрёстка
так остро.

*

Звёздное молоко
тает в ковшах воды.
Холодно и легко
гаснуть, мерцать и плыть:
только студёный плеск
отблесков и теней,
всё остальное — вне.

*

Чем тебя я встречу, безумие моё?
Поднебесной речи звёздный окоём.
Вдох — почти случайно, выдох — налегке,
Таинство молчанья — в каждом языке.
Онемевший воздух — хоть в горсти сжимай,
Золотые звёзды сыплют через край.

*

За что мне?
Прячешь рукава.
Под рукавами прячешь слёзы.
Стоишь, опомнившись едва,
Растерянной, простоволосой...
Не разворачивай беды,
Не поддавайся на капризы.
Ноябрь. И снег ложится сизый,
Как дым.

*

Ходишь кругами: не спорить и не просить,
ведь всё, с чем останусь я, превратится в звук.
На улице снежно — пить небо из тёплых рук,
плакать в такси.

*

Вчерашний день горчит на языке.
А в комнату сквозь музыку и шторы
стремится свет, и ластится к руке,
застигнутой врасплох страницей новой.
Сглотнёшь — и страшно, но не за себя.
Строка к строке — вперёд неумолимо...
А рукописи, верно, не горят,
лишь пахнут дымом.

*

Шагни с порога, отложи ключи.
Постой, послушай, как в груди стучит
И как заходится в весеннем перезвоне
И птичьим клёкоте на солнечном изломе!
Окно открыто: ивовая сеть,
Сквозная синь. И на неё смотреть...
Просить о большем не посмеешь просто:
Апрель — и ярче свет, и легче воздух.